

А. ЮСТУС

УРОКИ
АННЫ ИЛЬИНИЧНЫ

А. ЮСТУС

УРОКИ
АННЫ ИЛЬИНИЧНЫ

РАССКАЗЫ

Ленинград
«Детская литература»
1983

ЗК
Ю 90

*Рецензент —
доктор исторических наук, профессор
Е. Р. Ольховский*

Оформление Л. Яценко

4803010102—126
Ю ————— 382—83
М101(03)—83

© ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

ТОВАРИЩЕСКОЕ ОПЕКУНСТВО

(Вместо предисловия)

На мою долю выпало редкое счастье. В детские и юные годы мне довелось часто встречаться с семьёй Ульяновых. Я несколько раз видел Владимира Ильича Ленина и разговаривал с ним. Постоянно общался с Анной Ильиничной и Марией Ильиничной Ульяновыми, Надеждой Константиновной Крупской. И всегда чувствовал их теплоту и заботу.

Мой отец, потомственный рабочий, профессиональный революционер-большевик, Юстус Владимир Богданович, был знаком с Владимиром Ильичём и его сёстрами по совместной революционной работе ещё в начале нашего века. Отец участвовал в первой русской революции 1905—1907 годов, был делегатом V съезда нашей партии в Лондоне. Позднее он встречался с Владимиром Ильичём и Надеждой Константиновной Крупской в Париже, Женеве и Праге.

На путь революционной борьбы против самодержавия и капитализма отец встал в конце

прошлого века. В разных городах, на разных заводах и фабриках он участвовал в организации рабочих кружков, демонстраций, забастовок. Вёл большую пропагандистскую работу, привлекая к революционному движению молодых рабочих. Подпольная работа постоянно связана с риском и опасностью. Тюрьмы, ссылки, побеги, снова аресты и снова побеги — такова была нелёгкая жизнь борца. А в 1909 году, спасаясь от очередного каторжного приговора, отец был вынужден покинуть Россию. Став политэмигрантом, он продолжал активную революционную деятельность.

Моя мать, Анна Григорьевна, тоже революционерка, приехала к отцу за границу после отбытия ссылки в Вологодской области. Они поселились сначала в Вене, а затем в столице Венгрии Будапеште.

Отец был активным участником венгерского революционного движения, а в 1919 году — одним из организаторов и защитников Венгерской Советской Республики. Несмотря на героическую борьбу, Венгерская Советская Республика существовала только сто тридцать три дня. И была подавлена силами Антанты. Началась кровавая расправа над борцами революции. Был арестован и подвергнут тяжёлым истязаниям мой отец. И только чудом он остался жив.

В 1920 году, после двенадцати лет эмиграции, мои родители вернулись на родину в свободную Советскую страну. Но пережитое в Венгрии — тюрьма, жестокие допросы в полиции, снова тюрьма, тревога за семью, за детей — подорвало

В. И. Ленин в своём кабинете в Кремле.

**В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. И. Ульянова-Елизарова,
М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов и Г. Лозгачёв-Елизаров
в кремлёвской квартире.**

здоровье не только отца, но и матери. Её терзали жестокие головные боли, день ото дня слабело зрение. Мне тогда шёл восьмой год. Брат Лео был на два года старше.

Бесконечно добрая и отзывчивая Анна Ильинична Ульянова приняла горячее участие в судьбе нашей семьи. Не прошло и нескольких дней после нашего приезда в Москву, как Анна Ильинична настояла, чтобы мать с нами, детьми, переехала к ней в квартиру на Манежной улице. Мать отказывалась, не хотела стеснять Анну Ильиничну, но та не признавала никаких возражений.

— Нет, семье здесь тесно, — говорила она, осматривая нашу комнату на Садово-Каретной улице. — Да и удобств никаких. И вы болеете.

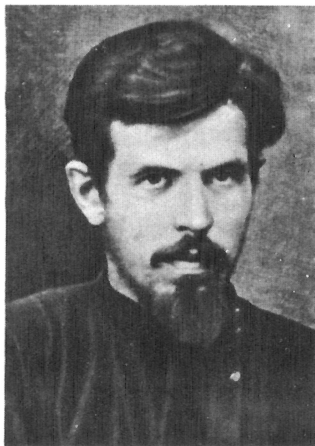
Требуя, чтобы мы поселились у неё, Анна Ильинична выдвигала и такой довод:

— На днях Лео и Артур пойдут в школу. От Манежной улицы ближе до их школы, чем от Садово-Каретной. А это очень важно, потому что ваши мальчики и с городом совершенно не знакомы, и русским языком плохо владеют. Вот и поживите у нас с детьми, пока не получите квартиру...

Около месяца мы прожили у Анны Ильиничны на Манежной улице и уехали от неё, когда получили квартиру.

Владимир Богданович Юстус.
Казань, 1901 год.

В. Б. Юстус с семьёй.
Москва, 1920 год.

НКРКИ СССР и НКРКИ РСФСР
ОБЪЕДИНЕННОЕ БЮРО ЖАЛОБ
(ОТВЕТА И ИСПРАВИТЕЛЬ)

Москва, Ильинка, 21
Телефон .....

12 февраля 1933 г. № .....
СПРАВКА

Подтвержаю что Лео Владимирович ЮТУС, рожд. 1911 г., гор. Вена, Артур Владимирович ЮТУС, рожд. 1913г гор. Будапешт, действительно являются детьми рабочего революционера, члена партии с 1897 г. Владимира Богдановича ЮТУС /умершего в 1930 г. в Москве /в с1920 г. проживают в Советском Союзе .

После смерти В.Б. ЮТУС, Лео и Артур находятся под товарищеским опекуном моим и моей сестры Анны Ильиничны.

ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ЦКК ВКП /б/

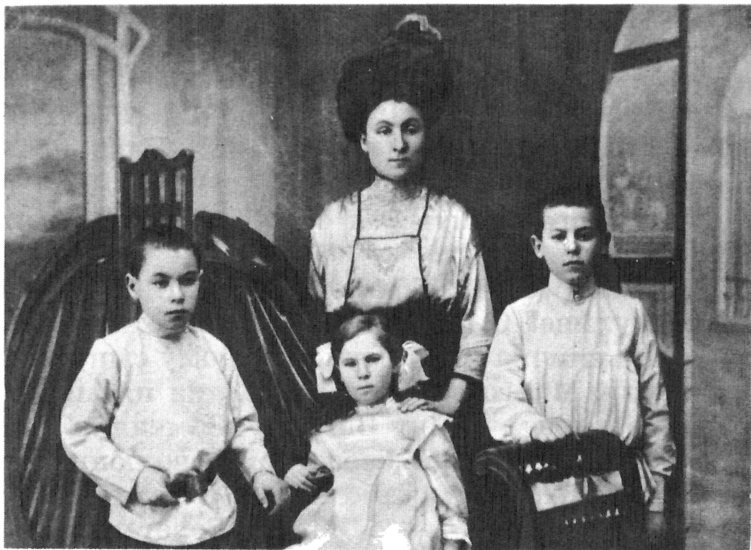
М. Ульянова
М. УЛЬЯНОВА

Адрес Кремль квартира Крупской. телефон Кремль, 431

Справка
о товарищеском опекунстве
над Лео и Артуром
Юстусами.

А. И. Ульянова-Елизарова
с приёмным сыном
Горой Лозгачёвым.
1913 год.

Серёжа, Катя и Костя Елизаровы с матерью Е. Елизаровой.

За дни, которые мы провели у Анны Ильиничны, я очень привязался к ней.

Анна Ильинична и Мария Ильинична тогда говорили, что они взяли товарищеское опеку над нами. А позднее мне и моему брату Лео была дана такая справка:

«Подтверждаю, что Лео Владимирович Юстус, рожд. 1911 г., гор. Вена, Артур Владимирович Юстус, рожд. 1913 г., гор. Будапешт, действительно являются детьми рабочего-революционера, члена партии с 1897 г. Владимира Богдановича Юстус (умершего в 1930 г. в Москве) и с 1920 г. проживают в Советском Союзе.

После смерти В. Б. Юстус Лео и Артур находятся под товарищеским опекуном моим и моей сестры Анны Ильиничны.

Член Президиума ЦКК ВКП(б)
М. Ульянова».

Годы этого опекуна были самыми памятными в моей жизни.

Сколько ребят собиралось в квартире на Манежной улице! С большой теплотой относилась Анна Ильинична к своему приёмному сыну Горе Лозгачёву. Много внимания уделяла племяннице Ольге и племяннику Виктору. Заменяла мать осиротевшим дочерям известной революционерки Инессы Арманд. Заботилась о детях, потерявших родителей, — о Мите Веретенникове, Серёже, Кате и Косте Елизаровых, Диме и Нине Барамзиных, Лене Образцовой, Шуре Калининой и других.

Для каждого из нас у тёти Ани находилось ласковое слово, все мы ощущали её теплоту и заботу. И естественно, очень любили её. Она обладала каким-то особым даром завоёвывать детские сердца.

У нас в семье нередко удивлялись, как удаётся Анне Ильиничне и Марии Ильиничне, несмотря на большую политическую и общественную работу, отдавать так много времени детям, интересоваться школьными успехами своих маленьких подопечных, следить за их здоровьем, думать об их будущем, учить их тому, что прежде всего надо быть честными, скромными, трудолюбивыми.

Мною прожито уже немало лет. Но время не стёрло из памяти образы дорогих людей.

Я считаю себя счастливым человеком потому, что жил среди таких людей. Они согревали меня своей заботой и вниманием. Подвигом борьбы этих людей была озарена моя юность.

И мне искренне хочется, чтобы подрастающее поколение видело в жизни и деятельности этих людей полезный и поучительный пример.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Наша семья поселилась неподалёку от Манежной, в Златоустинском переулке (ныне Комсомольский переулок), и я часто, не дожидаясь особых приглашений, приходил к Анне Ильичне. Если не заставал её дома, меня радушно встречала и угощала тётя Варя, которая вела домашнее хозяйство.

Угощение было скромным. В то суровое время мы, дети, как и взрослые, не были избалованы лакомствами.

Отведав как-то вкусного пирога, предложенного мне тётей Варей, я отломил от него половинку и сунул в карман.

— Никак решил запасы делать? — спросила тётя Варя, увидев, что я прячу в карман кусок пирога.

— Это для Валентинки, — ответил я.

Тётя Варя улыбнулась:

— Молодец, что думаешь о сестрёнке. Вот тебе кусочек пирога для неё. А свой съешь.

Что и говорить, такой исход дела меня вполне удовлетворил, и я быстро съел свой кусок пирога.

Очевидно, тётя Варя рассказала Анне Ильиничне об этом эпизоде. И потом, угощая меня, Анна Ильинична всегда давала мне свёрток с собой:

— Передай сестрёнке Валентине. И старшего брата Лео не забудь.

Отец знал о моих визитах к Анне Ильиничне. Однажды, увидев меня со свёртком и спросив, откуда я несу его, он сказал:

— Эх ты, сам угощаешься да ещё с собой прихватываешь!

Обиженный до глубины души, я возразил:

— Тётя Аня сама велела передать Валентине и Лео, я не просил.

— Ну ладно, ладно. Прости уж, если я не прав. Но тётю Ане ты особенно не досаждай.

В общем, я прослыл добрым, заботливым братом.

Но однажды моя репутация добряка поколебалась.

Случилось это в день моего рождения. Мать болела, отец был в отъезде, и Анна Ильинична сказала мне:

— Приходи завтра к нам. Отпразднуем твой юбилей.

Я, конечно, примчался задолго до назначенного срока. Анны Ильиничны ещё не было. Вскоре она пришла, поздравила меня и вручила подарок — набор цветных картинок, изображающих дуб зелёный у лукоморья, учёного кота,

**Дети Д. И. Ульянова
Виктор и Ольга. 1928 год.**

**Дмитрий Ильич Ульянов
с сыном Виктором. 1921 год.**

Столовая в Кремле.

Бабу-Ягу, царя Кощея, храброго Руслана и красавицу Людмилу.

В квартире Анны Ильиничны на Манежной улице жили тогда её родственники и воспитанники. Пришли и мои школьные друзья.

Словом, общество собралось многолюдное и шумное.

Поставили на стол кипящий самовар.

Принесли пирог, испечённый тётей Варей по случаю знаменательного события.

Когда все уселись, Анна Ильинична обратилась ко мне:

— Ты виновник торжества. Вот и подели пирог между всеми товарищами. Только знаешь, как делит угощение добрый, гостеприимный хозяин?

— Не знаю, — ответил я.

— Дели вот так: всем поровну, а себе — меньше.

Посмотрев на румяный, аппетитный пирог, красовавшийся на столе, я быстро уразумел, что роль гостеприимного хозяина мне ничего приятного не сулит.

Но как снять с себя хозяйскую обязанность?

И вот выход найден.

Я взял в руки нож, деловито осмотрел пирог со всех сторон, словно соображая, как к нему подступить, а потом вздохнул, отложил нож в сторону и сказал:

— Тётя Аня! Я не могу разделить пирог. Сделайте это, пожалуйста, сами. Или пусть тётя Варя разделит.

В комнате раздался дружный смех. Смеялась от души и Анна Ильинична.

— Хитёр! Хитёр! Ну и дипломат! — сказала она, погрозив мне пальцем.

А я смеялся вместе со всеми, довольный тем, что благополучно вышел из весьма щекотливого положения и получил солидный кусок пирога, отрезанный мне тётёй Аней.

ВСТРЕЧИ С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЁМ

В Москве я поступил в так называемую нулевую школу. Называлась она «нулевой» потому, что в ней обучались ребята, которые совсем не знали русский язык или владели им очень плохо. Это были дети политических эмигрантов-революционеров, приехавших в Советскую Россию из Австрии, Германии, Венгрии и других стран. В «нулевой» школе я себя чувствовал среди других как равный, а когда на следующий год перешёл в первый класс обычной школы, оказался в трудном положении. Правда, отец и мать учили меня с самых ранних детских лет русскому языку. Товарищи отца, русские военнопленные, бывавшие у нас в Будапеште, тоже разговаривали со мной по-русски. И всё-таки родился и вырос я в Венгрии, слышал там венгерскую речь, учиться начал в первом классе венгерской школы.

Я неверно произносил слова, не там, где нужно, ставил ударения. Ребята подтрунивали надо

**В. И. Ленин на Красной площади
во время парада частей Всевобуча.**

А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова и Д. И. Ульянов. 1931 год.

**В этом доме жила А. И. Ульянова-Елизарова.
Москва, Манежная улица, дом № 9.**

мной, копировали моё неправильное произношение. И хотя они делали это без злобы, а шалости ради, я обижался.

Однажды пожаловался отцу на то, что мальчики меня дразнят. Но жалобы мои не вызвали у него сочувствия:

— Мне досадно, что мой сын ябедничает. Старайся правильно говорить по-русски. Тогда

и дразнить тебя не будут. — И добавил, усмехнувшись: — Умей сам улаживать свои дела и не бегай жаловаться на товарищей. Ты же мужчина!

Прошло время, и мои отношения с одноклассниками улучшились. То ли ребята привыкли к моему произношению, то ли я научился лучше говорить по-русски, — во всяком случае, я стал полноправным участником игр и забав, которые затевали мои товарищи по классу.

Но меня влекла квартира на Манежной. Частенько после занятий в школе или утром в воскресенье я по-прежнему приходил к Анне Ильичне, где меня всегда встречали многочисленные её воспитанники.

И ещё меня влекла в квартиру на Манежной мечта увидеть Владимира Ильича.

С самых ранних лет я, мальчишка, росший вдали от России, замечал, с каким беспредельным уважением мои родители и их друзья говорили о Ленине. И уже тогда мечтал встретить Владимира Ильича.

А вот теперь я нахожусь в советской столице, неподалёку от Кремля, где живёт и работает Ленин, бываю в гостях у тёти Ани — сестры Владимира Ильича, — значит, должен же я увидеть Ленина!

Но мне не везло. Прихожу, бывало, на Манежную и слышу: «Вчера у нас был Владимир Ильич». Я был готов зарыдать от огорчения.

— Не горюй, Артур, — утешала меня Анна Ильична. — Приходи к нам почаще, и ты познакомишься с дядей Володиёй.

И вот однажды, в зимний день 1921 года, когда я играл дома у тёти Ани в шумной ребячьей компании, раздался звонок. Вслед за Анной Ильиничной я выбежал в переднюю и увидел Ленина.

Я сразу узнал его. Владимир Ильич снимал пальто, на котором блестели снежинки.

— А вот это кто? — спросил Владимир Ильич у сестры, указывая на меня. — Мы, кажется, с этим товарищем ещё не встречались.

— Это маленький Юстусёнок! — представила меня Анна Ильинична.

— Ну здравствуй, здравствуй! — сказал Владимир Ильич, пожимая мне руку.

Он вошёл в комнату, сел на диван, усадил меня рядом с собой и стал расспрашивать, да так серьёзно, будто взрослого.

Отвечал я на вопросы Ильича вполголоса, смущаясь, не решаясь поднять глаза.

— О, да ты иностранец! — воскликнул Владимир Ильич, прислушиваясь к моему произношению.

Ленин погладил меня по голове, похлопал по плечу и на прощание сказал:

— Нельзя быть таким стеснительным.

На всю жизнь запомнил я эту непродолжительную встречу с Владимиром Ильичём, его добрую улыбку, ласковый прищур глаз.

На следующее утро прибежал я в школу за-долго до начала занятий. Мне не терпелось поделиться с одноклассниками своей радостью, рассказать им о том, как я разговаривал с Лениным.

Москва. Кремль.

Но товарищи не сразу поверили мне.

— Выдумываешь! Где ты разговаривал с Лениным? Скажи!

— У тёти Ани.

Особенно меня огорчило то, что мне не поверил Володя Орлов, с которым я успел подружиться.

— Хочешь, пойдём со мной к тёте Ане, — предложил я ему, — может быть, и сегодня к ней придёт Ленин.

В тот день я пошёл на Манежную вместе с Володей Орловым. Володя познакомился там с Горой Лозгачёвым. Но Ленин, к великому огорчению моему и Володи, не пришёл в тот

**В. И. Ленин на закладке памятника «Освобождённый труд».
Москва, 1 мая 1920 года.**

день на Манежную. Зато мой друг убедился в том, что я вчера действительно разговаривал с Лениным. На следующий день он рассказал об этом всему классу.

* * *

Вспоминается один из осенних дней 1922 года. После занятий ребята из старших классов кремлёвской школы играли в футбол, превратив площадку между Успенским и Архангельским соборами в футбольное поле. Играли они очень азартно, высоко подкидывая мяч. Ну а мы, младшие школьники, довольствовались ролью болельщиков. Я в то время учился во втором классе кремлёвской школы. Она помещалась на третьем этаже здания Судебных установлений. Директором школы была Клавдия Тимофеевна Свердлова.

Не помню уж, по какому признаку комплектовались команды, но каждый из нас «болел», конечно, за свою.

Мои горячие симпатии были на стороне той команды, где играл мой старший брат Лео. «Болели» мы очень активно, каждый гол, забитый в ворота противника, вызывал громкие возгласы восторга и ликования.

В это время по кремлёвскому двору шёл Владимир Ильич. Он внимательно посмотрел, как играют ребята, а потом расхохотался и стал кого-то искать глазами. Увидел стоявшего неподалёку коменданта Кремля Р. А. Петерсона и что-то сказал ему, указывая рукой на мяч. Мяч-то был сшит из тряпок.

Через несколько дней футболисты получили настоящий кожаный мяч, купленный по поручению Владимира Ильича комендантом Кремля.

* * *

На всю жизнь запомнились и другие счастливейшие дни моего детства, когда мне довелось видеть Владимира Ильича.

Однажды — это было в один из декабрьских дней 1922 года — отец сказал мне, что Анна Ильинична пригласила его приехать со мной в Горки. И добавил:

— Завтра утром поедem. Только смотри не проспй. А то уеду один, дожидаться не буду.

Я, конечно, понял, что отец шутит. Но всё-таки беспокоился: а вдруг и в самом деле просплю?

Лёг я с твёрдым намерением вообще не засыпать в ту ночь. Но долго бороться со сном не мог. И когда проснулся, прежде всего бросился узнать, дома ли отец. Оказалось, отец спит и вообще ещё очень рано, только рассветает. Но я быстро оделся и сел у окна. На свой наблюдательный пункт вернулся и после завтрака, чтобы не прозевать момента, когда к нашему дому подойдёт автомобиль.

Наконец показалась машина, за рулём я увидел шофёра Космачёва.

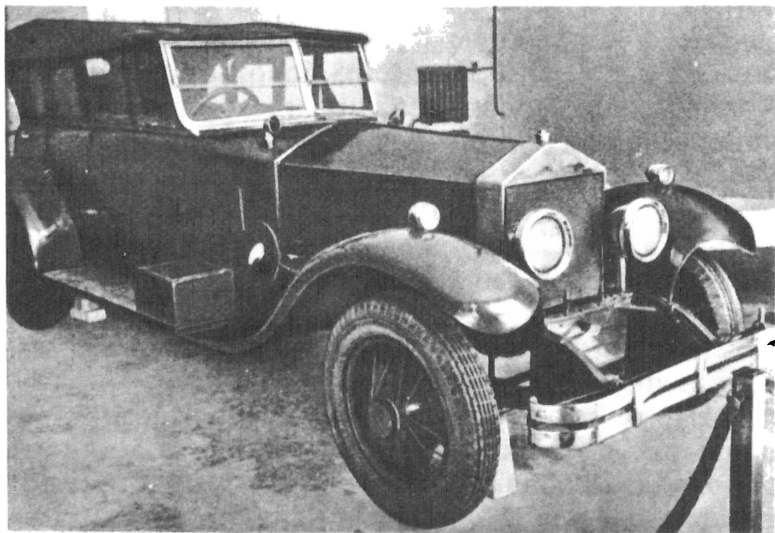
Мы, ребята, бывавшие во дворе Кремля, хорошо знали всех шофёров — Гиля, Космачёва, Горохова, Рябова и Фёдко. Машины были очень невзрачные, по сравнению с современными

автомобилями, но нам они казались тогда чудом техники.

Все кремлёвские шофёры были люди добрые, хотя и строгие. А мы, мальчишки, различали их по тем признакам, которые имели наибольшее значение для нас. Шофёр Степан Казимирович Гиль охотно отвечал на все наши вопросы, шутил с нами, но чтобы открыть капот машины и разрешить заглянуть туда или позволить покрутить баранку — этого от него не жди. А Пётр Сидорович Космачёв выполнял наши желания и потому пользовался у нас особой симпатией.

Я обрадовался, когда увидел за рулём автомашины, остановившейся у нашего дома, Петра

**Автомобиль,
которым пользовался В. И. Ленин.**

В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. И. Ульянова-Елизарова с племянником Виктором Ульяновым и дочерью рабочего Верой Брусовой в Горках. 1922 год.

Сидоровича. Выбежав на улицу, поздоровался с ним, быстро вскочил в машину, взобрался на заднее сиденье и сидел не шелохнувшись. Всё опасался, что, если выйду, автомобиль отправится без меня.

Отец вскоре подошёл к машине. Но мне, охваченному нетерпением, каждая минута казалась вечностью, я досадовал на отца: как можно так медленно собираться! Наконец мы поехали в Горки.

В тот день я впервые увидел в Горках двухэтажный дом с белыми колоннами, где жил

Горки летом.

Владимир Ильич, заснеженные деревья старинного парка. Отец вошёл в дом, а я заметил возле дома своих сверстников и присоединился к ним. Мы бегали по дорожкам и играли в снежки.

Неожиданно в парке появился Владимир Ильич. Он стал бросать в нас снежки и при этом заразительно смеялся. Мы тоже хохотали без умолку. На крыльцо вышли Надежда Константиновна и Мария Ильинична и попросили Владимира Ильича вернуться в дом — он вышел без пальто, а был в то время уже серьёзно болен.

Владимир Ильич вернулся в дом. Вслед за ним вбежали и мы. Нас усадили за стол пить

чай. Но, разгорячённые игрой, мы не сразу успокоились, продолжали шуметь.

Анна Ильинична попросила вести себя тише, но Владимир Ильич, глядя на нас с ободряющей улыбкой, возразил сестре:

— Дай им, Аня, повеселиться, раз у них такое хорошее настроение.

* * *

Мне не довелось побывать на детском празднике, который был устроен в Горках в конце декабря 1923 года. Анна Ильинична увезла с собой в тот день в Горки моего старшего брата Лео. Вернулся он из Горок невероятно

**В. И. Ленин в Горках.
Лето 1923 года.**

Горки зимой.

возбуждённый, полный ярких впечатлений. Рассказывал, что много детей собралось вокруг пушистой ёлки, украшенной гирляндами электрических лампочек, разными игрушками. Многие игрушки были сделаны Анной Ильиничной, Марией Ильиничной и Надеждой Константиновной. На ёлку пригласили детей рабочих и служащих госхоза, санатория, местной больницы.

Лео рассказывал, что на празднике ёлки было очень весело, Мария Ильинична играла на рояле, дети под её аккомпанемент танцевали вокруг ёлки, потом играли в кошки-мышки и другие игры. Анна Ильинична водила с детьми весёлые хороводы. Надежда Константиновна рассказывала самым маленьким увлекательные сказки.

В разгар праздника в зале, где собрались гости, появился Владимир Ильич.

Затаив дыхание, слушал я рассказ Лео о ёлке в Горках и очень огорчился, что не был с ним в тот день. Чтобы успокоить меня, отец обещал в следующий раз взять меня с собой. Я часто напоминал отцу о его обещании.

— Нельзя. Владимир Ильич серьёзно болен, — отвечал отец.

А вскоре пришла самая страшная весть: умер Ленин...

* * *

Никогда не забыть мне морозного январского утра 1924 года на Павелецком вокзале, где тысячи москвичей встречали траурный поезд из Горок. Пришла в то утро на вокзал и наша семья — отец, мать, Лео и я.

У Дома Союзов в траурные дни. Москва.

Не только помещение вокзала, но и прилегающая к нему площадь были заполнены до отказа. Люди держали в руках венки, знамёна, траурные плакаты. Мы вышли на платформу, всматривались в подёрнутую синеватой туманной дымкой даль...

Показался медленно приближающийся поезд. Первый от паровоза вагон был задрапирован красными с чёрной каймой полотнищами.

Под звуки траурного марша гроб, покрытый цветами, вынесли на площадь. Оттуда процессия двинулась к Дому Союзов. На улицах стояли тысячи людей. В тот день в Москве был очень сильный мороз, но люди словно не замечали его. Многие плакали, не скрывая слёз. Отец с матерью пошли с траурной процессией к Дому Союзов, а мне и брату Лео они предложили свернуть в один из переулков и направиться домой. Нам очень не хотелось идти домой, но отец сказал, что возьмёт нас с собой прощаться с Владимиром Ильичём.

На следующий день мы всей семьёй пошли в Дом Союзов. Стояли у гроба, смотрели на бескровное лицо Ильича. А мимо гроба шли и шли люди, слышались плач, рыдания...

Всю жизнь храню я дорогую реликвию — старую красную ленточку с чёрной каймой, подаренную мне отцом. Эту ленту он прикрепил к рукаву своего пиджака, когда стоял в почётном карауле у гроба В. И. Ленина.

УРОКИ АННЫ ИЛЬНИЧНЫ

Анна Ильинична руководила моим чтением. Она предложила мне пользоваться её библиотекой, брать книги домой.

Библиотека была большая, но я не находил там книг, которые больше всего интересовали меня.

В те годы я начал увлекаться авиацией, готов был без конца читать о лётчиках, о дальних перелётах, о дирижаблях, о цеппелинах. Что же касается другой литературы, то, откровенно говоря, руководствовался одним «принципом»: брать ту книгу, которая потоньше.

Анна Ильинична давала мне произведения русских и иностранных классиков. Но случилось, я возвращал книгу, так и не открыв её или наскоро перелистав.

Конечно, Анне Ильиничне не стоило большого труда раскрыть мой метод «чтения».

— А ты прочёл эту книгу? — бывало, спросит она.

А. И. Ульянова-Елизарова.

Артур Юстус.

**А. И. Ульянова-Елизарова среди детей в школе.
Москва, 1923 год.**

— Прочёл, тётя Аня.

— Ну и как, понравилась она тебе?

— Очень интересная! — восклицал я, стараясь придать своему голосу как можно больше убедительности.

Однако когда разговор принимал более конкретный характер и Анна Ильинична задавала один-два вопроса о героях произведения, я попадал впросак и вид у меня был очень жалкий.

— Почему ты хитришь, обманываешь? — строго спрашивала Анна Ильинична. — Не хорошо!

Уличив меня несколько раз в обмане, Анна Ильинична повела со мной серьёзный разговор о честности и справедливости.

— Ты говорил мне, что собираешься, когда подрастёшь, стать комсомольцем. Но обманщиков в комсомол не принимают. Перелистал книгу, а говоришь, что прочел её и что она тебе понравилась. Может ли так поступать честный человек?

Потом она говорила о значении книг в жизни человека.

— Каждый, кто не хочет остаться невеждой, должен много читать. Тебе же это особенно необходимо.

Анна Ильинична стремилась приохотить меня к чтению ещё и потому, что русский язык я знал всё ещё неважно.

Конечно, за годы жизни в Москве я научился сравнительно свободно говорить по-русски, но писал с ошибками.

Однажды Анна Ильинична сказала мне:

— Есть у меня к тебе, Артур, такое предложение. Я помогу тебе лучше изучить русский язык, а ты научи меня венгерскому.

— Вы и так знаете столько языков, — ответил я. — Английский, французский, немецкий, итальянский...

— Знание ещё одного языка не помешает. Да и тебе будут полезны наши с тобой занятия по венгерскому. Ты смотри не забывай венгерский язык. Придёт время — и в Венгрии тоже будет власть рабочих и крестьян, наши страны станут друзьями, тогда государству потребуется много людей, понимающих по-венгерски.

Уходя, я попрощался с Анной Ильиничной:

— До свидания, тётя Аня!

— А я тебе хочу ответить по-венгерски. Как будет по-венгерски «до свидания»? — спросила она.

— Висонтлаташра.

— Висонтлаташра, — повторила Анна Ильинична, пожимая мне руку. — А как будет по-венгерски «здравствуйте»?

— Сервус.

— Сервус! — приветствовала меня Анна Ильинична, когда я пришёл к ней в следующий раз. — А как будет по-венгерски «спасибо»?

— Кёсёнём сепен.

— Кёсёнём сепен! — поблагодарила меня Анна Ильинична, когда я поднял листочек бумаги, упавший с её письменного стола.

Так проходили у нас уроки венгерского языка. Анна Ильинична учила меня избавляться от

ошибок в русском языке и советовала не забывать венгерский.

Не раз вспоминал я советы Анны Ильиничны. Много лет спустя, будучи директором международных выставок электронной промышленности СССР, приезжал я со своими товарищами в народную Венгрию, чтобы рассказать о достижениях советской науки и техники. Вот тут-то и понадобился мне венгерский язык.

ИГРА В ШАХМАТЫ

Анна Ильинична очень любила играть в шахматы и старалась пристрастить к этой игре нас, своих подопечных. С её помощью я освоил первые шаги на шахматной доске.

— Артур, садись, поиграем в шахматы, — предлагала иногда Анна Ильинична, когда я приходил, а она была в эти часы свободна. И спрашивала: — Какими фигурами ты будешь играть? Белыми или чёрными?

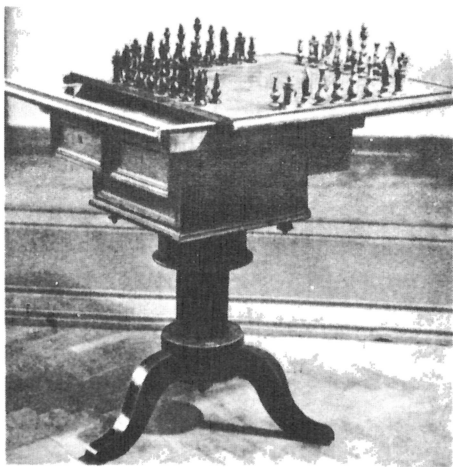
Я требовал, чтобы мы тянули жребий, как полагается по правилам. Если я вытягивал белую фигуру, мы сразу начинали играть. Если же мне выпадали по жребию чёрные, возникала заминка.

— Знаешь, Артур, — говорила Анна Ильинична, — играй лучше белыми. Мне почему-то чёрные фигуры больше нравятся.

Некоторое время я для приличия настаивал на соблюдении общепринятых правил, но надолго моей настойчивости не хватало. Я уступал,

**В. И. Ленин
играет в шахматы.**

Шахматный столик.

надеясь на то, что, играя белыми, выиграю партию или добьюсь ничьей. Однако партия очень быстро заканчивалась моим очередным поражением.

Утешал себя тем, что Анна Ильинична во много раз старше меня, мальчишки, и поэтому в моём проигрыше нет ничего зазорного.

Однажды я спросил у Анны Ильиничны, где и как научилась она играть в шахматы. Анна Ильинична рассказала, что полюбила эту игру с детства.

Её отец, Илья Николаевич, был страстным шахматистом. От отца любовь к шахматам перешла сыновьям Саше и Володе. Сыновья очень радовались, когда отец звал их в кабинет и расставлял шахматные фигуры. Они были особенные.

Илья Николаевич сам выточил их на токарном станке в Нижнем Новгороде, где жил до переезда в Симбирск.

Но в то время, о котором я вспоминаю, у Анны Ильиничны был уже другой комплект шахмат.

Фигуры хранились в выдвижных ящиках шахматного столика — он стоял в столовой. На крышке столика было не шестьдесят четыре квадрата, как обычно, а целых сто — для одновременной игры вчетвером. Мне не пришлось видеть такой игры, и я не мог понять, как это можно играть в шахматы сразу вчетвером на одной доске.

А столик этот Анна Ильинична называла историческим, с секретом. Он был изготовлен

М. И. Ульянова и А. И. Ульянова-Елизарова. 1931 год.

по специальному заказу и сослужил большую службу в семье революционеров.

Крышка столика в случае необходимости отодвигалась в сторону, как крышка школьного пенала, открывая при этом выдолбленное в дереве углубление. Туда надёжно прятались номера ленинской газеты «Искра», запретная революционная литература, рукописи и партийная переписка.

Анна Ильинична писала: «Он [столик] исколесил вместе с нами всю Россию, передвигаясь в Самару, в Киев, в Петербург, в Саратов, в Вологду, опять в Петербург и снова в Москву».

И не было случая, чтобы хоть раз, во время многочисленных обысков, полиция или жандармы раскрыли этот тайник.

Теперь исторический шахматный столик находится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

В семье Ульяновых все хорошо играли в шахматы. Узнав об этом, я понял, почему не могу выиграть у Анны Ильиничны ни одной партии.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

Я окончил школу-семилетку. Мне было пятнадцать лет. Возник вопрос: где учиться дальше? Помню, как мы с матерью пришли на Манежную.

— Решающее слово, конечно, за Артуром, — сказала Анна Ильинична. — Он уже человек взрослый и должен сам определить свой путь. Итак, какая профессия, Артур, привлекает тебя больше всего?

Я повторил то же, что твердил раньше:

— Хочу стать лётчиком.

— Ждала такой ответ, — улыбнулась Анна Ильинична. — Артур отличается постоянством привязанностей, не меняет своих увлечений. И всё-таки тебе придётся, мне кажется, подождать. В авиационное училище тебя пока не примут по возрасту. Значит, ты должен готовиться к поступлению в училище. А как готовиться? Ты, насколько я знаю, интересуешься техникой. Вот и прекрасно. Лётчик должен хорошо разби-

раться в технике — это каждому ясно. В школе ФЗУ ты получишь технические знания, хорошую рабочую специальность. А она тебе пригодится, какую бы ты профессию в будущем ни избрал.

Я ответил, что готов поступить в фабзавуч, но только вместе с Володей Орловым. Мы с ним очень подружились и не хотели расставаться.

— Странный ультиматум, — сказала Анна Ильинична, — а что, если у Володи Орлова совсем другие планы?

— Нет, он тоже хочет учиться на токаря.

— Вот и прекрасно. У вас общие интересы, одна цель, — значит, и дружба будет крепче.

Спустя десятки лет, встречаясь в Москве с Владимиром Михайловичем Орловым, бывшим токарем, начальником цеха, затем заместителем директора одного из московских заводов, мы вспоминали, как вместе решили идти в фабзавуч. Поступить в школу ФЗУ было не так-то просто. Ещё не была полностью ликвидирована безработица. Мы пошли на биржу труда. Там нас поставили на учёт и через некоторое время направили в школу фабрично-заводского ученичества при заводе «Мосэлектрик».

Вспоминая о нашей рабочей юности, к которой Анна Ильинична имела прямое отношение, я думаю о том, что всех своих воспитанников она учила главному: человек должен входить в самостоятельную жизнь тружеником. Это и определило судьбу всех её воспитанников.

ИДУ В АВИАЦИЮ!

Мне очень хотелось учиться, а затем работать, чтобы по мере своих сил принести больше пользы любимой Советской Родине.

Окончив школу ФЗУ, я поступил токарем на завод «Мосэлектрик». Полюбил свой завод, понравилась мне и замечательная профессия токаря. Но с мечтой стать лётчиком я не расстался.

Как и некоторые другие заводские комсомольцы, учился в планёрной школе в Московском аэроклубе, увлекался парашютным спортом. Освоив прыжки с вышки, мы учились прыгать с летательных аппаратов.

Группы из шести человек поднимались на аэростате с большой корзиной на высоту восьмисот метров, оттуда на парашюте устремлялись вниз.

В то время в Советской стране начались массовые парашютные прыжки с самолётов. Инициаторами этого дела были боевые, задорные

комсомольцы 30-х годов. Учились прыгать днём и ночью, зимой и летом, с различной высоты. Соревновались на точность приземления. Это требовало смелости, мужества, хладнокровия, крепкого здоровья, большой выносливости. Юноши и девушки развивали в себе силу и ловкость, занимались гимнастикой и лёгкой атлетикой. Всё было подчинено одной цели — стать лётчиками.

Помню, с каким интересом слушали Анна Ильинична, Мария Ильинична, Надежда Константиновна мои рассказы о первых самостоятельных полётах на планёрах и самолётах в аэроклубе. Надежда Константиновна, слушая меня, сказала однажды с присущим ей юмором:

Уголок Осоавиахима.

М. И. Ульянова и Н. К. Крупская в Горках. 1931 год.

— Наконец-то у нас будет свой лётчик. Только смотри не возгордись, когда прославишься. А то ещё, чего доброго, перестанешь узнавать старых знакомых.

Анна Ильинична хвалила меня за то, что, увлекаясь авиацией, я не забываю земных комсомольских дел. Я был вожатым пионерского отряда. Вместе с товарищами по заводу, членами шефской бригады, выезжал под Воронеж. Мы устанавливали в сельских клубах радиоприёмники, которые выпускал наш завод, возили туда книги для колхозных библиотек. Словом, завод был для меня прекрасной жизненной школой.

Осенью 1930 года был объявлен комсомольский набор в авиацию. Ленинский комсомол выдвинул лозунг: «Дадим стране сто тысяч лётчиков!»

Стремление молодёжи пойти в авиационные училища было очень велико. Подал, конечно, заявление и я — в то время, занимаясь в аэроклубе, я уже научился водить самолёт. Но при поступлении в училище возникло неожиданное для меня препятствие. Вместе с другими документами нужно было представить свидетельство о рождении. А я его не имел и достать не мог, потому что родился я за границей, в Будапеште. Да и там моей метрики, как вспоминала мать, не было.

Огорчённый, пошёл я к Анне Ильиничне. Она рассмеялась, слушая меня:

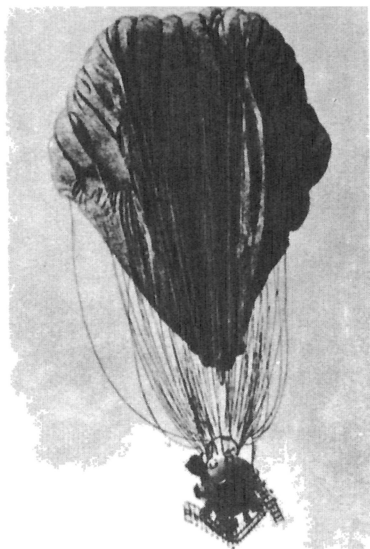
— Любопытная ситуация. Ну ладно, попробуем выйти из затруднительного положения.

Аэроплан.

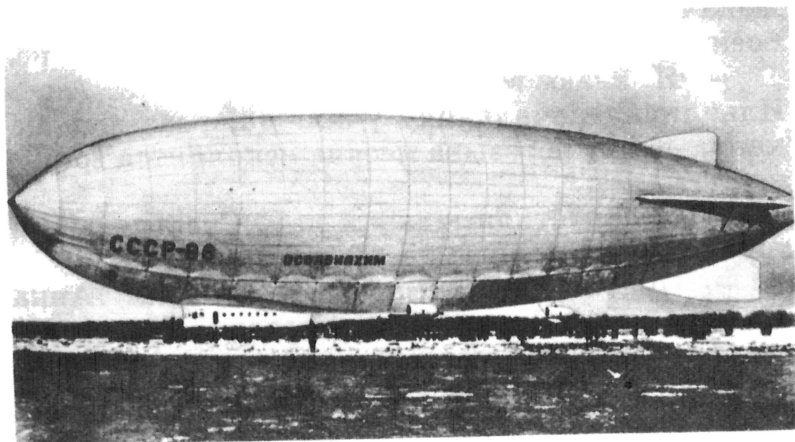

Парашют.

Аэростат.

Дирижабль.

**А. В. Юстус с группой лётчиков
на аэродроме. 1940 год.**

Вместе со мной Анна Ильинична поехала на Таганку в Товарищеский переулоч, где тогда помещалось 1-е Московское училище спецслужб Военно-Воздушных Сил, куда я подал заявление.

— Я знаю этого юношу, — сказала Анна Ильинична начальнику училища, указывая на меня. — Ему через два месяца исполнится восемнадцать лет.

Меня допустили к экзаменам. Счастливый, я горячо поблагодарил тётю Аню.

— Подожди радоваться, — сказала Анна Ильинична. — Главное ещё впереди. Теперь всё зависит от того, выдержишь ли ты приёмные экзамены. Очень опасюсь, как бы ты не провалил экзамен по русскому языку.

Меня «выручило» только то, что не в ладах с грамматикой был не я один. По остальным же предметам я получил хорошие оценки.

Словом, моя заветная мечта исполнилась — я стал курсантом авиационного училища.

Вскоре мы уехали в военные лагеря под Москву. А через три месяца в курсантской форме вернулись в город. Мать обнимала меня, ощупывая руками мою шинель. Она в то время была почти совсем слепая.

— Как жалко, — говорила она, — что я не могу тебя хорошо видеть, сынок. Ты, наверное, красивый и важный в военной форме. Вот бы обрадовался отец, увидев тебя таким. Зайди к Анне Ильиничне, она не раз звонила, спрашивалась, как идёт служба, нет ли весточек от тебя.

Мне и самому хотелось встретиться с Анной Ильиничной, чтобы похвастаться военной формой и поделиться с ней впечатлениями о своей курсантской жизни. Вечером пошёл на Манежную улицу.

РЕКОМЕНДАЦИЯ В ПАРТИЮ

Я решил вступить в партию и думал попросить у Анны Ильиничны рекомендацию. Но есть ли у меня основания обращаться к ней с такой просьбой?

Своими сомнениями я поделился с матерью.

— Не знаю, что и сказать тебе, сынок, — ответила мать. — Поговори с Анной Ильиничной. Она скажет тебе, готов ли ты к вступлению в партию. Может быть, Анна Ильинична и даст тебе рекомендацию. Но ты уж не подведи её.

Анна Ильинична в те дни болела. Она тепло встретила меня, расспрашивала, как идут мои занятия, как чувствую себя в новой обстановке. Ответил, что всё хорошо. Исполнилась моя мечта, и я беспредельно благодарен Анне Ильиничне за всё, что она для меня сделала. А теперь у меня есть ещё одна просьба. Если, конечно, Анна Ильинична сочтёт возможным её удовлетворить.

— Какая же, Артур?

— Решил подать заявление о приёме в партию. Прошу вас дать мне рекомендацию.

Анна Ильинична взглянула на меня, задумалась.

— Бежит время. Давно ли ты приехал в Москву мальчишкой-несмышлёнышем? А вот и в партию хочешь вступить. Если ты решил быть в партии, значит, считаешь себя готовым к такому серьёзному шагу в жизни. Понимаешь, какую ответственность берёшь на себя? Тебе, Артур, есть с кого брать пример. Твой отец был настоящим коммунистом. Думаю, сын будет достоин отца.

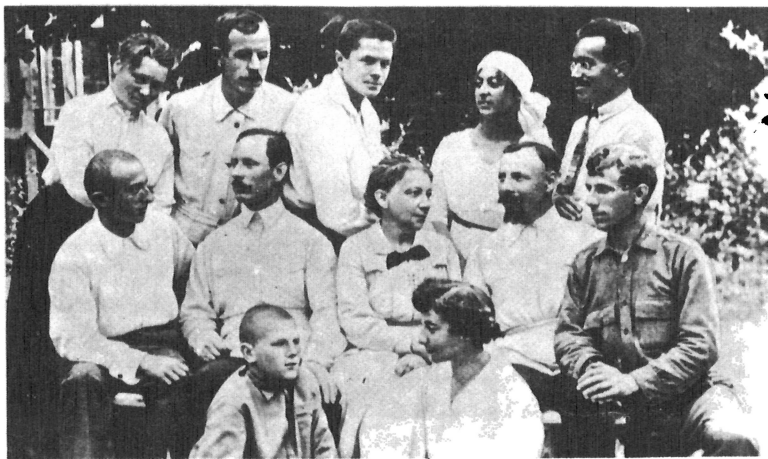
Анна Ильинична в группе пионеров. 1926 год.

**Д. И. Ульянов, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова
на ступеньках дома в Горках. 1927 год.**

**А. И. Ульянова-Елизарова
с группой старых большевиков на отдыхе. 1921 год.**

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова. 1926 год.

Анна Ильинична написала рекомендацию. Дал мне рекомендацию и Владимир Александрович Урасов, член партии с 1906 года, товарищ отца по работе в Венгрии, хорошо знавший всю нашу семью.

Получил я рекомендацию в партию и от комсомольской организации завода «Мосэлектрик», где работал до поступления в авиационное училище.

И сейчас, спустя много лет, хорошо помню партийное собрание училища, на котором меня принимали кандидатом в члены партии. Помню, как заместитель начальника училища комбриг Зеленцов прочёл моё заявление и данные мне рекомендации. Он выразил надежду, что я оправдаю звание коммуниста и доверие уважаемых людей, которые поручились за меня.

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

В семье Ульяновых была традиция — собираться 8 Марта в Горках или в кремлёвской квартире В. И. Ленина, где остались жить после смерти Владимира Ильича Надежда Константиновна и Мария Ильинична. На эти встречи приглашались родные и друзья.

А в 1933 году, в связи с тем, что Н. К. Крупская и М. И. Ульянова были награждены орденом Ленина, встреча была особенно тёплой и душевной.

Как обычно, в этой встрече участвовали женщины-колхозницы из Горок. Каждый год в день 8 Марта две-три женщины приезжали из Горок поздравить Надежду Константиновну и сестёр Владимира Ильича. Они привозили с собой большой румяный пирог. Наверное, горкинские колхозницы пекли его по очереди. Но сам-то пирог всегда был одинаковый — морковный, с подливкой из сметаны. Такой пирог в семье Ульяновых любили.

Когда встали из-за стола, Мария Ильинична подошла к роялю. Она хорошо играла и пела. Мария Ильинична запела одну из любимых песен Владимира Ильича — «Смело, товарищи, в ногу!». К её голосу присоединились другие.

Потом звучали русские народные песни. Дмитрий Ильич исполнил свою любимую песню: «Ах ты доля, моя доля, доля горькая моя. И зачем ты, злая доля, до Сибири довела?»

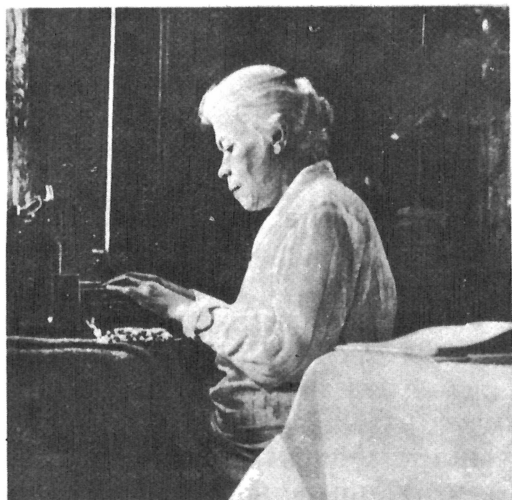
Очень тепло прошёл тот вечер. Но настроение собравшихся было омрачено тем, что не было Анны Ильиничны. Она тяжело болела, не смогла прийти. Вскоре Мария Ильинична перевезла

Мария Ильинична и Анна Ильинична
с Артёмом Барамзиным. 1933 год.

**М. И. Ульянова,
Д. И. Ульянов и
Н. К. Крупская.
1936 год.**

**Мария Ильинична
за работой.
1932 год.**

больную сестру к себе в кремлёвскую квартиру, а в квартире Анны Ильиничны на Манежной улице остались жить её воспитанники Дима Ба-рамзин с женой и сыном Артёмом, Лена Образцова, племянник Митя Веретенников, Юра и Коля Елизаровы.

В 1982 году на Манежной улице открыт Музей-квартира Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой.

* * *

А в январе 1934 года меня направили для дальнейшего прохождения службы в Новочеркасск, в авиационную бригаду. Приехав оттуда на сборы автопилотчиков-высотников в Москву, я позвонил Марии Ильиничне и сказал, что очень хочу повидать её и Анну Ильиничну.

— Приходи, Артур, вечером, — услышал я в ответ.

Встретили меня две женщины: Мария Ильинична и Мария Николаевна Пояркова — медицинская сестра, что ухаживала за Анной Ильиничной.

Мария Ильинична сказала мне очень тихо, почти шёпотом:

— Анюта очень больна. Ей врач строго-на-строго запретил всякие волнения. Приоткрою дверь в её комнату, ты посмотри на неё издали и сразу отойди, чтобы она не заметила тебя.

Мария Ильинична чуть приоткрыла дверь, и я взглянул в комнату, боясь кашлянуть или шевельнуться. Анна Ильинична, похудевшая,

**Д. Е. Барамзин с сыном Артёмом
и племянником Андреем. 1934 год.**

Д. Е. Барамзин. 1927 год.

Мария Ильинична среди детей в Горках. 1932 год.

осунувшаяся, сидела в кресле и что-то отстукивала одной рукой на пишущей машинке.

Тяжело больная, она до последних дней своей жизни трудилась, занималась литературной работой, обобщала накопленный ею опыт партийной, педагогической деятельности. Анна Ильинична писала свою автобиографию, ведь каждый факт её жизни был связан с Лениным, с партией. Она сама переписывала на машинке свои рукописи и вообще старалась обходиться без посторонней помощи.

В тот день я видел Анну Ильиничну в последний раз.

ВОСПИТАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Я часто писал Марии Ильиничне из Новочеркасска, где проходила моя служба. Мария Ильинична отвечала мне подробными тёплыми письмами.

Но однажды, вскрыв конверт, я был удивлён. Вместе с письмом Марии Ильиничны лежало и моё последнее письмо к ней. Многие слова и целые предложения в нём были подчёркнуты и исправлены. Мария Ильинична писала мне, что я теперь владею русским языком, конечно, гораздо лучше, чем раньше, но всё же пишу не так грамотно, как должен писать на родном языке культурный человек, лётчик, командир Красной Армии. «Хочешь, будем с тобой регулярно заниматься русским языком?» — писала мне Мария Ильинична.

Но как проводить эти уроки, если учительница — в Москве, а ученик — в Новочеркасске? Мария Ильинична предложила мне писать ей регулярно, сообщать о своей жизни, она обещала

подробно отвечать, а заодно проверять, как я выполняю правила правописания и стилистики. Так Мария Ильинична стала давать мне заочные уроки русского языка.

Но если уж говорить об уроках, нельзя не рассказать о другом уроке, который преподавала мне Мария Ильинична. Я расскажу о нём, хотя мне и не совсем приятно об этом вспоминать. Думая о том разговоре с Марией Ильиничной, я и теперь, спустя десятки лет, испытываю чувство стыда.

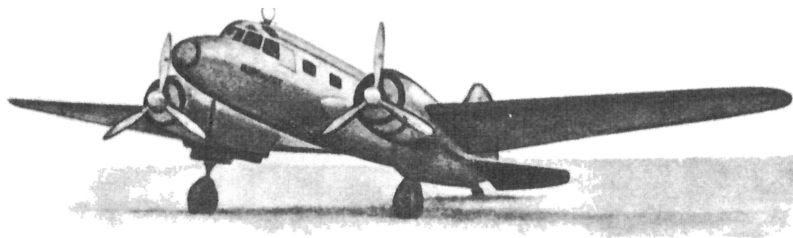
Дело было в следующем. Я считал, что мои успехи в продвижении по службе могли быть более значительными. В самом деле, мой друг и однокашник Павел Парфёнов уже назначен заместителем командира эскадрильи, Володя Логвинов, также окончивший училище вместе со мной, — заместитель командира отряда. А я все ещё лётчик-наблюдатель — старший техник эскадрильи по автопилотам. Значит, другие быстрее выдвигаются.

Как-то мы беседовали об этом в тесном кругу, и один дружок надоумил меня: «Эх ты. Да я б на твоём месте... У тебя такие знакомства, в Кремле бываешь. Кому-кому, а тебе-то уж помогут. Ты только скажи. Кто же виноват, если ты молчишь?» Вот уж действительно мне была оказана медвежья услуга. Дурная мыслишка, услужливо подсказанная, запала мне в голову.

Вскоре я приехал в отпуск в Москву. Навестил Марию Ильиничну. Отвечая на её вопросы, сказал, что не совсем удовлетворён своей службой.

А. И. Ульянова-Елизарова.

Самолёт АНТ-35.

— Почему же? Дело не ладится? — спросила Мария Ильинична.

— Нет, ладится. Но я мог бы выполнять более ответственную работу.

— Мне это непонятно, — сказала Мария Ильинична. — Разве быть лётчиком-наблюдателем — маленькое дело? Почему ты думаешь, что если ты рядовой лётчик, то это плохо? Ведь всё наше общество в массе состоит из рядовых, и каждый вносит вклад в общее дело социалистического строительства. Может быть, и всю жизнь ты будешь рядовым, но надо быть хорошим рядовым. Работай, старайся! Мне кажется, что каждый лётчик, поднимающий самолёт в воздух, облечён очень высокой ответственностью. Или я не права? Тогда объясни мне.

Как осторожно я ни выражал свою мысль, Мария Ильинична поняла, что я думал о более высокой должности и рассчитывал на её поддержку.

Вспоминаю, как внимательно посмотрела на меня Мария Ильинична, каким серьёзным и

строгим стало её лицо. Влетело мне тогда, как говорится, по первое число.

Впрочем, «влетело», пожалуй, не то слово. Мария Ильинична не ругала меня, а беседовала со мной спокойно и терпеливо. Она советовала думать не о высоких должностях, а о том, всё ли, что нужно и должно, я делаю на порученном мне посту. Сказала, что коммунисты должны быть людьми скромными, трудолюбивыми. Насколько я помню, Мария Ильинична не произнесла в беседе со мной слова «карьеризм», но предостерегала меня именно от этой отвратительной черты характера, отнюдь не украшающей коммуниста. Больше никогда Мария Ильинична не напоминала мне о том разговоре, но в моей памяти он запечатлелся на всю жизнь.

Таковы были сёстры Ленина. Они брали на себя заботу о человеке не для того, чтобы поставить его в какие-то особые, привилегированные условия, а для того, чтобы воспитывать из него настоящего коммуниста — трудолюбивого, скромного, требовательного к себе, принципиального в большом и малом.

ВОСПИТАННИКИ

Я счастлив, что мне довелось пройти замечательную школу прекрасных педагогов Анны Ильиничны и Марии Ильиничны Ульяновых и дружить с их воспитанниками, тоже прошедшими эту школу. Нам дарили они материнскую заботу и ласку, давали мудрые советы. Но самое основное, считали они, это воспитание трудолюбия. Молодой человек должен входить в жизнь через труд, уметь жить и творить в коллективе.

О некоторых воспитанниках сестёр Ульяновых мне хочется хотя бы кратко рассказать.

Заботы Анны Ильиничны о приёмном сыне Георгии (мы все звали его Гора) неотделимы от высокой требовательности к нему.

«Да, Горушка, надо тебе становиться человеком, — писала ему Анна Ильинична. — А я этим знаешь что называю? Что у тебя будет чувство своего достоинства, что на твоё слово можно будет положиться, что ты никогда, ни для какой

зыгоды не покривишь душой... Мне верится, что ты сбросишь всё не по годам мальчишеское, что ещё есть в тебе, укрепишь свою волю... научишься трудиться, станешь сознательным и взрослым».

С этими строками перекликаются и письма Анны Ильиничны к моему отцу. Он в то время был директором сталелитейного завода в Лашме Рязанской области и пригласил на работу к себе на завод Георгия.

«Боюсь, что Гора не удовлетворяет Вас... Из полученных доселе писем его не видно, чтобы он входил в работу, чтобы заинтересовался ею... Надо, чтобы он осознал, что, приняв Ваше предложение, он взял на себя известные обязательства, которые и должен выполнять... Как работает Гора и насколько Вы работой и вообще им довольны? Я очень бы хотела получить Ваш вполне откровенный, конечно, отзыв о нём...»

Уроки Анны Ильиничны пошли на пользу.

Георгий Лозгачёв-Елизаров, имея за плечами десятилетний заводской стаж, поступил по партийной путёвке в юридическую школу и окончил её. В годы борьбы против гитлеровских захватчиков он, офицер-коммунист, прошёл путь от Москвы до Берлина, был тяжело ранен в бою. Инвалид Великой Отечественной войны, член Союза журналистов СССР, он до последних лет жизни вёл большую общественную работу. Георгий написал книгу «Незабываемое», в которой

**М. И. Ульянова,
Н. Е. Барамзина
и её сын
Андрей Барамзин.
1935 год.**

**Анна Ильинична
Ульянова-Елизарова
с Артёмом
Барамзиным
и Володей Юстусом,
племянником
Артура Юстуса.**

**Анна Ильинична в семье рабочего во время летнего отдыха.
1923 год.**

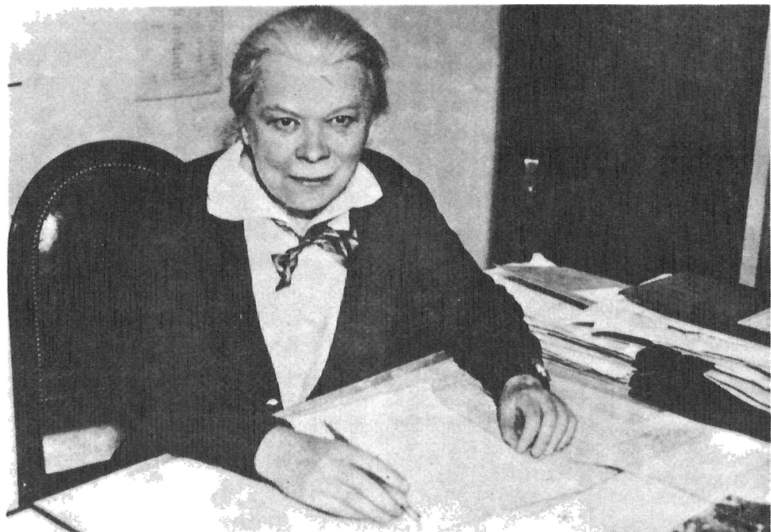
**Мария Ильинична среди детей и преподавателей
школы «Памяти В. И. Ленина» в Горках. 1935 год.**

Анна Ильинична с группой педагогов.

М. И. Ульянова в своём рабочем кабинете. 1935 год.

рассказал о встречах с Владимиром Ильичём, о жизни и быте семьи Ульяновых.

Летом 1921 года в квартире Анны Ильиничны я познакомился с восемнадцатилетним Сергеем Елизаровым, приехавшим в Москву из Сызрани. Участвуя в субботнике, Сергей вырубал брёвна из плотов, вмёрзших в Волгу, поскользнулся на льду и упал в воду. Простуда вызвала тяжёлое заболевание. Диагноз, установленный врачами, внушал серьёзную тревогу. У юноши развивалась очень тяжёлая болезнь — окостенение суставов.

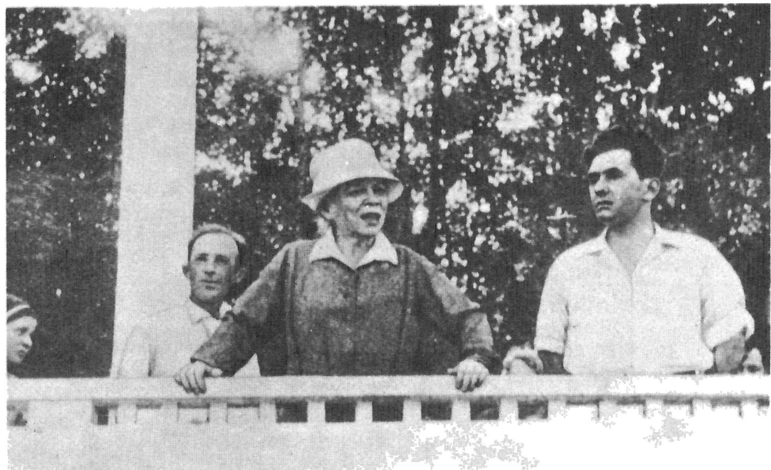
Анна Ильинична делала всё возможное, для того чтобы помочь Сергею. Его лечили в Москве

Н. К. Крупская. 1936 год.

М. И. Ульянова. 1935 год.

Мария Ильинична
на открытии пионерского лагеря. 1936 год.

и на Кавказе. Сергей очень привязался к Анне Ильиничне, горячо благодарил её, но не хотел быть для неё обузой. Потеряв надежду на выздоровление, он с юга, минуя Москву, уехал домой в Сызрань. Анне Ильиничне написал, что ему стало легче. На самом же деле болезнь прогрессировала, и Сергей опять попал в больницу. Узнав об этом, Анна Ильинична вновь вызвала его в Москву. Его лечили в московских клиниках, на курортах Крыма и Кавказа, но медики в то время ещё не располагали действенными средствами против таких заболеваний. Сергей оказался прикованным к постели.

Как бы ни была занята Анна Ильинична, она находила время навестить Сергея в боль-

нице, этого же она требовала и от нас. Бывало, придёшь на Манежную и прежде всего слышишь от тёти Ани: «А у Серёжи был? Когда собираешься навестить его?» Часто мой старший брат Лео и я по поручению Анны Ильиничны передавали Сергею книги, свёртки с угощениями.

Нельзя без волнения читать воспоминания Сергея Елизарова о том, как поддерживала его Анна Ильинична в самые тяжёлые минуты. После очередной, далеко не первой по счёту операции Сергей наконец поднялся с постели, начал, хотя и с большим трудом, передвигаться, опираясь на костыли. Вот что он писал тогда в своём дневнике:

«Я поднялся не только с помощью врачей, которым очень благодарен. Не меньше, чем медицинские средства, помогают больному человеческое участие, доброжелательность, сердечность. И тут-то сказались доброта, такт, ум Анны Ильиничны и Марии Ильиничны. Они вселили в меня бодрость духа, волю к борьбе с тяжёлой болезнью, поддерживали меня, когда я уже терял всякую надежду».

Осенью 1931 года Сергей Елизаров поступил на планово-экономическое отделение техникума, который был частью учебно-производственного комбината, где работали и учились инвалиды. Учащиеся техникума жили в том же здании, где учились. Государство обеспечивало их жильём, питанием и одеждой. Но даже среди товарищей

по техникуму Сергей был самым тяжёлым больным. Ему было трудно сидеть на уроке за партой: быстро уставала спина и начиналась острая боль. Трудно было переходить из одного учебного кабинета в другой, особенно если при этом требовалось подниматься или спускаться на другой этаж. Однако, проявляя недюжинную волю, Сергей успешно занимался в техникуме.

Когда Анна Ильинична тяжело заболела, заботу о Сергее взяла на себя Мария Ильинична. Она приходила к Сергею в общежитие, писала ему. Вот одно из писем Марии Ильиничны к Сергею Елизарову:

Т. Лозгачев-Елизаров

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Издание третье

Моему верному другу,
Артуру Юстус, автору

Саратов
3. X. 62.

Саратовское
книжное издательство
1962

«Уважаемый Сергей Александрович! Вчера получила Вашу открытку и спешу ответить... Как идут Ваши занятия? Не попросить ли профессора Бурденко как-нибудь посмотреть Вас? Сестра всё больна, лежит в постели. С приветом М. Ульянова».

После окончания техникума Сергей Елизаров работал экономистом, а потом начальником плано-производственного отдела завода. К нему и туда приезжала Мария Ильинична. Однажды она спросила Сергея, вступил ли он в партию. Сергей ответил, что давно думает об этом, но

полагает, что из-за тяжёлой инвалидности не принесёт партии пользы, будет только числиться в ней. Мария Ильинична не согласилась с ним, сказала, что если человек живёт так, как требует от него партия, если он работает в полную меру своих сил, совмещает труд с общественной деятельностью, то он может оправдать звание коммуниста.

Коммунист Сергей Елизаров трудился самоотверженно. А когда началась война, он продолжал работу на своём заводе и с честью прошёл через испытания военных лет. Хотя они потребовали особого напряжения всех его физических и нравственных сил.

Школьная бригада на прополке.

В 1921 году в квартире Анны Ильиничны на Манежной познакомился я и с Димой Барамзиным. Он был на девять лет старше меня и, естественно, относился ко мне, восьмилетнему мальчику, покровительственно, как к малышу. Я же ходил за Димой буквально по пятам, общение с ним считал для себя большим счастьем. Не будет преувеличением сказать, что Дима Барамзин был тогда моим кумиром. И для этого имелись весьма веские причины. В самом деле, представьте себе человека, который обладает рядом исключительных достоинств. Начать с того, что он прекрасно рисует. Стоит тебе посидеть спокойно две-три минуты — и он быстро набросает карандашом твой портрет. Ему не составляет большого труда нарисовать уголок московского сада или двора, где ты играешь с товарищами. Мало этого: имея в своём распоряжении набор разноцветных кусочков полотна, ситца, а проще сказать — тряпочек, он с непостижимой быстротой может сделать куклу, изображающую какого-нибудь смешного человечка — лентяя, пьяницу или насмерть перепуганного буржуя.

Отец Димы, Егор Васильевич Барамзин, — учитель, революционер-большевик, обладал разносторонним художественным дарованием. Он рисовал, прекрасно пел, сам сочинял песни и музыку к ним. Дима Барамзин наследовал художественные способности отца. И ещё одну черту характера он перенял от своих родителей, народных учителей, — любовь к детям, педагогический дар.

Д. Е. Барамзин
с сыном Артёмом. 1940 год.

Это и определило его жизненный путь. В 1924 году Дмитрий Барамзин, помня добрые советы Анны Ильиничны, уехал из Москвы в город Новосиль Орловской губернии. Там он был председателем уездного бюро юных пионеров.

Дима Барамзин быстро стал любимцем новосильских ребят. Они на всю жизнь запомнили школьные пионерские сборы, когда старших ребят принимали в комсомол. Благодаря стараниям и неистощимой инициативе Димы эти сборы проходили торжественно и празднично. Вожаки пионерских отрядов Новосиля любили

прогулки в Тюковку — живописную зелёную местность на окраине города. Во время этих прогулок шли оживлённые беседы о том, как сделать пионерскую работу более интересной и увлекательной, разгорались жаркие споры. Дима делился своими новыми планами.

Человек очень скромный, Дима Барамзин был сдержан и немногословен, когда речь шла о его собственной жизни. И всё же новосильские комсомольцы узнали, что Дима — сын старого революционера, что до приезда в Новосиль он жил у Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой как её воспитанник. Некоторые удивлялись: зачем Барамзин уехал из Москвы в маленький, захолустный Новосиль? Но так воспитывали Диму и его родители, и Анна Ильинична. Он не искал лёгких дорог, шёл туда, где труднее, где в нём больше всего нуждались. В Новосиле комсомолец Дмитрий Барамзин стал членом ленинской партии.

Три года трудился Барамзин в Новосиле, накопил навыки пионерской работы. Этот опыт очень пригодился Дмитрию, когда он, вернувшись в Москву, работал в Центральном бюро юных пионеров, в детском журнале «Затейник», когда стал директором Государственного музея игрушки. В содружестве с поэтами и художниками Дмитрий Барамзин создал образы популярных в своё время среди детей Кузьки и Пуськи, пионера Рыжика, ставших персонажами многочисленных кукольных представлений в детской художественной самодеятельности. Юные зрители с восторгом встречали весёлого, шустрого,

задорного Рыжика. Он говорил о себе, представляясь: «Ловкий я, всегда проворный, бодрый, шустрый и задорный, над врагами издеваюсь, звонким смехом заливаюсь».

Несколько лет проработал Дмитрий Барамзин на Северном Кавказе. Там по его инициативе были созданы первые учебные производственные бригады школьников, организован первый в стране лагерь пионерского актива.

Анна Ильинична часто писала своему воспитаннику, одобряла начинания Дмитрия Барамзина. Только однажды она пожурила его, когда узнала, что он, заболев, не обращается к врачу и беспечно относится к своему здоровью.

Вернувшись с Северного Кавказа в Москву, Дмитрий Барамзин возглавил Центральный дом художественного воспитания детей.

В первые же дни Великой Отечественной войны он ушёл на фронт. Политрук артиллерийской батареи Барамзин был участником героической битвы под Москвой. О Барамзине — человеке и воине ярко свидетельствуют его письма с фронта.

«Милый мой сынок!

Вот я и уехал служить в армию. Пока недалеко от тебя. Близко от Москвы. А потом (это, наверное, будет скоро) поеду бить фашистов.

Ещё раз прошу тебя быть дисциплинированным. Слушайся маму. Помогай ей воспитывать Сашу.

Сынка, милый, что бы ни случилось с твоим папкой, ты должен расти и обязательно учиться. Учиться хорошо и отлично.

Д. Е. Барамзин на фронте.

Помни, сынок, война против фашистов — это война за то, чтобы миллионы Артёмов и Саш и похожие на них ребята во всём мире жили хорошо и никогда бы не знали самого большого несчастья, которое может быть у людей на земле, — войны».

В конце ноября 1941 года Дмитрий Барамзин писал сыну Артёму:

«... Около города, который мы защищали, завязался жаркий бой. Били наши пушки. Стреляли немецкие миномёты. В небе вели воздушные бои наши и вражеские самолёты.

А. В. Юстус и Г. Я. Лозгачёв-Елизаров. 1956 год.

А сегодня немцы бежали. Они побросали убитых и раненых, оружие, снаряды, продовольствие. Наши советские войска заняли несколько сёл.

Как ты живёшь, мой милый? Как живут мама и Саша? Чем ты занимаешься? Слушаешь ли маму, бабушку и дедушку? Помогаешь ли маме и заботишься ли о братишке Саше?

Напиши мне побольше. Я очень рад твоим письмам. Будь здоров, мой милый. Расти хорошим. Будь умницей. Крепко тебя целую. Твой папка».

А вот письмо Дмитрия Барамзина, написанное жене в начале декабря 1941 года, когда

войска Красной Армии, сражавшиеся под Москвой, перешли в контрнаступление:

«Родная моя!.. Сейчас мы преследуем противника, поспешно покидающего те дальние подступы к Москве, до которых ему удалось недавно прорваться.

Родная моя, у меня сегодня вроде праздника — наша часть вошла в сёла, в которых были немцы. Если бы вы видели, как трогательно, с какой любовью и радостью встречали нас наши граждане!

Люди бегут навстречу нам, смеются и плачут. Сколько мы слышим нежных слов!..

Мы прошли за сутки километров шестьдесят. Настроение у меня, как и у всех нас, хорошее. Вот только беспокоюсь о вас, думаю о том, как вас мучают налёты фашистских стервятников. Но у меня — крепкая уверенность в том, что мы будем снова вместе, что эта проклятая, навязанная нашей стране война кончится нашей победой, и, пройдя через это трудное испытание, мы заживём ещё лучше, чем жили раньше.

У меня нет мысли о смерти, я верю в то, что всё будет хорошо. Но, родная моя, если я не вернусь, знай, что я защищал вас — тебя, ребят, Москву, мою Родину...»

Ещё одно письмо с фронта — от 25 декабря 1941 года:

«...Продолжая наступление, мы дошли до Тулы. Враг, который был на её окраинах,

отброшен. Вся дорога загромождена брошенными им машинами, танками, пушками, повозками, ящиками со снарядами и другим имуществом.

Сегодня отдыхаем в селе. Здесь нас встретили партизаны. Волосы встают дыбом от рассказов о зверствах фашистов... Я жив, здоров. Всё время мы в движении. Ночь и день смешались. Пишите, мои родные, чаще. Так хочется, чтобы вы жили спокойно и дружно... На днях — Новый год. Не знаю, где я его буду встречать. Но встречу его с уверенностью, что скоро мы будем вместе!»

И вот последнее письмо с фронта, написанное 15 января 1942 года Дмитрием Барамзиным сыну Артёму:

«Милый мой Тёмочка! Спасибо тебе, дорогой, за письмо. Я очень рад, что ты начал ходить на занятия в изогруппу, что учишься рисовать. Кем бы ты ни стал, когда вырастешь — военным, инженером, врачом, учителем, рабочим, — рисование тебе всегда пригодится. А кроме того — это ты поймёшь позже, — за рисованием тот, кто любит рисовать, отдыхает.

Это письмо я пишу, сидя в палатке. Мы уже много дней не жили в домах, так как фашисты, убегая, жгут наши деревни.

Наша часть бьёт гитлеровцев. Вот и сейчас наши орудия ведут огонь.

Милый мой сынка, я тоже стараюсь крепче бить врага. Стараюсь не трусить в бою, а быть

таким, каким и должен быть командир Красной Армии...»

Десятилетний Артём часто писал отцу. Хотел он послать письмо и в тот февральский день 1942 года. Детским почерком вывел на почтовой открытке адрес — номер полевой почты и фамилию адресата: «Военкому Д. Е. Барамзину». Отложив открытку, Артём решил вечером написать отцу, рассказать ему о своих делах. Но открытка так и осталась ненаписанной. В тот день пришло извещение: «Ваш муж старший политрук Барамзин Дмитрий Егорович, проявив геройство и мужество, был ранен в бою за социалистическую Родину и умер от ран».

Таковыми бойцами ленинской партии, коммунистами всегда и всюду, были воспитанники сестёр Владимира Ильича Ленина.

СЛОВО О СТАРШЕМ ДРУГЕ

Дорогие ребята!

Артур Владимирович Юстус написал для вас добрую и умную книжку. Убеждён, что она никого не оставит равнодушным. Трудно поверить в то, что сам автор уже не увидит своей работы. Книга «Уроки Анны Ильиничны» стала посмертным произведением ленинградского коммуниста.

Мне хорошо известно, что Артур Владимирович давно готовился и очень хотел подарить детям книжку — собеседницу и друга, книжку-наставника. И эту свою мечту ему удалось осуществить в полной мере. Говорю об этом с уверенностью потому, что сравнительно небольшая по объёму книжка лишена назидательности, читается с интересом, каждая её страничка дышит правдой и искренностью, помогая нам лучше понять Время и неповторимую судьбу поколения, к которому посчастливилось принадлежать самому автору.

**А. В. Юстус с пионерами.
1978 год.**

**Г. Я. Лозгачёв-Елизаров и
А. В. Юстус. 1970 год.**

Мы знаем, что с первых дней революции самой высокой темой для нашей литературы была и остаётся ленинская тема. Но всё же книги, созданные талантом, умом и сердцем тех, кто видел Владимира Ильича Ленина, кто рос, воспитывался и мужал под непосредственным влиянием и воздействием Анны Ильиничны и Марии Ильиничны Ульяновых, Надежды Константиновны Крупской, занимают в литературной Лениниане особое место. Ибо как-то по-особому передают нам, читателям, живые, достоверные и неповторимые черты и образы тех замечательных ленинских соратников, к кому каждый человек испытывает огромную любовь и вечное уважение.

Сама судьба распорядилась так, что с детских лет, мальчишкой, А. В. Юстус был принят в семью Анны Ильиничны и несколько лет вместе с точно такими же сверстниками находился под её неустанной материнской опекой. Цепкая мальчишеская память впитала и сохранила на всю жизнь уроки А. И. Ульяновой, всё лучшее, что сёстры В. И. Ленина передали каждому своему воспитаннику — молодому строителю самого справедливого общества в мире.

Могу утверждать, что, будучи боевым лётчиком в годы Великой Отечественной войны и журналистом в мирное время, Артур Владимирович олицетворял всё то, что мы ценим в коммунисте, в каждом советском человеке.

Мне приходилось видеть его в пору творческого подъёма, когда он работал над рукописью первой своей книжки «Самое дорогое».

Артур Владимирович Юстус.

Приходилось вместе встречаться в школах и на предприятиях с читателями, а иногда удавалось полюбоваться нашим прекрасным городом. И всюду к нему тянулись люди.

Борьбу за справедливость, за доброту он считал делом своей жизни и вёл её каждодневно, до последнего своего вздоха.

Однажды мы вышли из издательства, шёл мокрый снег, серые волны под ударами ветра бились в гранит Фонтанки, было холодно и, как нарочно, его «Нива» долго не хотела заводиться. Я хотел обратиться к кому-то из стоящих

неподалёку водителей за помощью, но Артур Владимирович категорично сказал мне: «Забота о машине — это моя забота. Я должен всё сделать сам».

Нет, он никогда не старался ни казаться, ни быть лучше других. Просто через личное отношение к работе он всегда стремился стать выше себя.

Таким он виделся в мелочах, таким остался в главных, принципиальных делах, и, честное слово, о нём трудно говорить и писать в прошедшем времени.

И сейчас, в день, когда новая книжка А.В.Юстуса, журналиста и общественного деятеля, лежит на читательском столе, мне верится, что он вновь вместе с нами в ответственных заботах за воспитание детей, за будущее нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

*Герой Социалистического Труда
Е. Н. Моряков*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ТОВАРИЩЕСКОЕ ОПЕКУНСТВО <i>(Вместо предисловия)</i> . . .	3
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ . . .	12
ВСТРЕЧИ С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ . . .	17
УРОКИ АННЫ ИЛЬИНИЧНЫ . . .	33
ИГРА В ШАХМАТЫ . . .	38
ВЫБОР ПРОФЕССИИ . . .	43
ИДУ В АВИАЦИЮ! . . .	45
РЕКОМЕНДАЦИЯ В ПАРТИЮ . . .	52
СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ . . .	57
ВОСПИТАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ . . .	63
ВОСПИТАННИКИ . . .	68
<i>Моряков Е. Н. Слово о старшем друге</i> . . .	90

*Для младшего
школьного возраста*

Юстус Артур Владимирович

УРОКИ АННЫ ИЛЬНИЧНЫ

Ответственный редактор И. В. Чурова.
Художественный редактор А. В. Карпов.
Технический редактор Т. С. Харитонова.
Корректоры В. Г. Арутюнян и Л. А. Бочкарёва.

ИБ 6638

Сдано в набор 27.08.82. Подписано к печати 13.01.83.
Формат 60 × 84^{1/16}. Бумага офсетная № 1.
Шрифт школьный. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Усл. кр.-отт. 12,44. Уч.-изд. л. 3,15.
Тираж 150 000 экз. Заказ 407. Цена 50 коп.
Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени
издательства «Детская литература».
Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государ-
ственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Юстус А. В.

Ю 90 Уроки Анны Ильичны: Рассказы/Оформле-
ние Л. Яценко.—Л.: Дет. лит., 1983.—95 с.,
ил.

В пер.: 50 коп.

Короткие рассказы-воспоминания сына известного революционера
В. В. Юстуса о встречах с В. И. Лениным и его сёстрами. Улучшенное
издание.

4803010102—126

Ю————— 382—83

М101(03)—83

ЗК